

DOI: 10.31857/S086919080017604-1

ПАДЕНИЕ КНЯЖЕСКОГО ДОМА БХОСЛЕ:
ТРЕХЧАСТНАЯ ДРАМА В ПИСЬМАХ

© 2021

С.Е. СИДОРОВА ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8528-6236; veta.sidorova@mail.ru

Резюме: В статье рассматривается политика выморочных владений, применявшаяся в 1840–1850-е гг. британскими властями для увеличения своих владений в Индии. После смерти правителей формально независимых княжеств в случае отсутствия наследников их земли отходили к Ост-Индской компании. В 1854 г. такая участь постигла Нагпурское княжество, одно из крупнейших политических образований на территории южноазиатского субконтинента. Процесс ликвидации двора и княжеских привилегий занял несколько лет и сопровождался демонстративным выносом из дворца казны, драгоценностей, мебели, публичной распродажей утвари, расформированием оружейной палаты, урезанием финансового содержания семьи и ответными актами саботажа, неповиновения или, наоборот, манифестациями лояльности и преданности. Параллельно происходил обмен между семьей раджи и чиновниками британской администрации меморандумами, записками и письмами, послужившими источниками для исследования, в которых в подробностях раскрывается «кухня» – практики и теоретические обоснования – подобного рода территориальных аннексий. В этих документах содержатся юридические доводы применения «доктрины выморочных владений», приводившиеся британцами, контраргументы княжеской стороны, излагаются взаимные обвинения и увещевания, раскрываются способы обоюдного давления. Методологически предлагаемый анализ локализуется в поле исследований эмоций и конкретно посвящен имперским чувствам, складывавшимся в зоне взаимодействия между различными уровнями властной иерархии, сформированной колониальной ситуацией. Сипайское восстание 1857–1858 гг., ставшее одним из следствий политики выморочных владений и поставившее под угрозу само существование Британского Раджа, заставило британские власти отказаться от дальнейшего приращения территорий и внимательнее относиться к настроениям индийских князей, многие из которых выступили на стороне восставших. В дальнейшем налаживание связей с местными традиционными элитами, выстраивание с ними эмоционально доверительных отношений стало важным направлением деятельности колониальной администрации, в которое вкладывалось немало средств и усилий.

Ключевые слова: политика выморочных владений, Нагпурское княжество, колониализм, Британская Индия, (не)справедливость, Рагхуджи III Бхосле, Бака-баи.

Для цитирования: Сидорова С.Е. Падение княжеского дома Бхосле: трехчастная драма в письмах. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. 213–224. DOI: 10.31857/S086919080017604-1

THE FALL OF THE PRINCELY HOUSE OF BHOSLE: A THREE-PART DRAMA IN LETTERS

© 2021

Svetlana E. SIDOROVA ^a

^a – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8528-6236; veta.sidorova@mail.ru

Abstract: *The article examines the doctrine of lapse, which was actively used in the 1840–1850s by the British authorities in India to increase their possessions. The status of princely state could be abolished and the land was transferred to the East India Company if the ruler was either manifestly incompetent or died without a male heir. In 1854, this was the fate of the Nagpur princely state, one of the largest political formations in the South Asian subcontinent. The liquidation of the court and princely privileges took several years and was accompanied by an exchange between its representatives and officials of the British administration of memoranda, notes and letters that served as sources for the study, which reveal in detail practices and theoretical justifications of territorial annexations of this kind. Methodologically, the proposed analysis is localized in the field of emotions' studies and is specifically devoted to imperial feelings that developed in the zone of interaction between different levels of the power hierarchy formed by the colonial situation. The Sepoy uprising of 1857–1858, which became one of the consequences of the “doctrine of lapse” policy and endangered the very existence of the British Raj, forced the British authorities to abandon the further expansion of territories and pay more attention to the sentiments of local princes, many of whom sided with the rebels. In the future, establishing ties with local traditional elites, building emotionally trusting relationships with them became an important area of activity of the colonial administration, in which a lot of funds and efforts were invested.*

Keywords: doctrine of lapse, Nagpur princely state, colonialism, British India, (in)justice, Raghujī III Bhosle, Baka-bai.

For citation: Sidorova S.E. The Fall of the Princely House of Bhosle: a Three-part Drama in Letters. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. 213–224. DOI: 10.31857/S086919080017604-1

Отношения между Ост-Индской компанией и Нагпурским княжеством – одним из крупнейших политических образований на индийском субконтиненте в XVIII–XIX вв., завязавшиеся в середине XVIII в., попеременно проходили стадии мира и войны и закреплялись обоюдно принимаемыми и признаваемыми официальными договорами и неписанными договоренностями. Внешне эта сбалансированная система задрапировывалась определенными правилами поведения и этикетом, включая набор эмоций, предназначавшихся не только для установления и поддержания контактов, но и призванных символизировать скрытые за ними достигнутые конвенции и фундаментальные основания, формировавшие каркас взаимоотношений между колониальной и местной властными элитами. Американский философ М. Нуссбаум, фокусируя внимание на аффективной составляющей политических процессов, полагает, что «все политические принципы – как хорошие, так и плохие – нуждаются в эмоциональной поддержке, чтобы обеспечить их стабильность с течением времени...» [Nussbaum, 2015, p. 2–3]. Изучаемый ею механизм «воздействия на сердца сограждан для пробуждения сильных эмоций, направленных на общее дело» [Nussbaum, 2015, p. 2], носит универсальный характер и может быть применим для разных политических режимов, в том числе и для имперских.

В статье на примере Нагпурского княжества рассматривается политика выморочных владений, активно использовавшаяся британцами в 1840–1850-е годы для увеличения своих владений в Индостане, когда после смерти правителей княжеств в случае отсутствия у них наследников земли отходили Ост-Индской компании. Предлагаемый анализ локализуется в поле исследований эмоций и конкретно посвящен чувствам, складывавшимся в зоне взаимодействия между различными уровнями властной иерархии в условиях колониальной ситуации. В процессе лишения Нагпура статуса формально независимого княжества представители двора и чиновники британской администрации интенсивно обменивались меморандумами и письмами, послужившими источниками для исследования, в которых раскрывается в подробностях «кухня» – эмоциональные практики и теоретические обоснования – подобного рода территориальных аннексий.

1853–1855. КРИЗИС

Рагхуджи III оказался на нагпурском троне случайно, когда во время Третьей англо-маратхской войны (1817–1818) тогдашний раджа Аппа-сахиб, связанный с англичанами союзническим договором, выступил против них и после поражения был низложен. Несмотря на победу, Ост-Индская компания решила сохранить в Нагпуре княжеский престол и возвести на него в июне 1818 г. внука одного из предыдущих правителей под именем Рагхуджи III. Позднее по местным обычаям мальчик был усыновлен вдовой Парсоджи, занимавшим престол перед Аппа-сахибом, и до совершеннолетия находился под опекой бабушки Бака-баи, а делами княжества в это время ведал британский резидент Ричард Дженкинс (1807–1826).

В 1826 г. Рагхуджи III принял управление страной, по случаю чего с Ост-Индской компанией был заключен договор о вечной дружбе и союзничестве, дополненный в 1829 г. Пункт 3 договора 1829 г. гласил: «Если, Боже сохрани, будут иметь место серьезные и систематические притеснения, анархия, беспорядок, многократное игнорирование советов и замечаний, существенная угроза общественному спокойствию и благосостоянию в результате пренебрежения Его Высочеством своими обязанностями перед достопочтимой Компанией, британское правительство оставляет за собой право назначить своих собственных чиновников для управления таким районом или районами Нагпурских территорий на срок, который сочтет необходимым» [Aitchison, 1909, p. 436]. Это и другие условия, прописанные в двух документах, и лежали в основе взаимоотношений княжества и Компании до тех пор, пока 11 декабря 1853 г. Рагхуджи III не умер, не оставив наследника мужского пола.

По обычаям Нагпурского княжества помимо родного сына раджи преемником на троне мог стать прямой потомок по мужской линии основателя династии Рагхуджи I (1730–1755), или человек, усыновленный самим правящим раджей, или, в случае смерти правителя, кто-то из его родственников, усыновленный старшей вдовой. После смерти раджи княжеская семья была представлена четырьмя вдовами – Анапуна-баи, Дурья-баи, Ананда-баи и Камалза-баи и 75-летней бабушкой почившего князя Бака-баи.

Всем им 13 марта 1854 г. английский резидент Чарлз Мэнсел (1850–1854) зачитал указ генерал-губернатора Индии лорда Далхузи (1848–1856) о лишении княжества суверенитета и присоединении его к территориям Британской Индии. Объясняя это решение, Далхузи в меморандуме от 28 января 1854 г. несколько раз повторил, что ни сам Рагхуджи, ни старшая вдова никого не усыновили и не делали заявлений о подобных намерениях, что соответствовало бы индусским и маратхским традициям. Кроме того, он неоднократно подчеркнул, что еще в 1818 г. «вся страна¹ была наша по праву завоевания» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 30, 32, 33]. Это было зафиксировано в преамбуле договора 1826 г., где говорилось, что

¹ Нагпурское княжество.

действия Аппа-сахиба «отдали Нагпурское государство на волю британского правительства, а трон махараджи в его полное распоряжение» [Aitchison, 1909, p. 426]. Пожалование трона и суверенитета Рагхуджи III было «подарком» со стороны британцев и диктовалось политической конъюнктурой [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 28]. Но это не означало, что прецедент 1818 г. мог быть использован в 1854 г. [1853–1854. *The Escheat*, p. 34]. Далхузи подводил итог: «Со смертью махараджи Нагпура, не оставившего наследника, земли, находившиеся в его владении, возвращаются британскому правительству, которое даровало их ему; обретенные таким образом вновь они не будут отданы опять, так как их вторичное отчуждение не обосновано никакими обязательствами справедливости или равенства и не отвечает благоразумной политике» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 24].

СЧАСТЬЕ НАРОДА

Раскрывая то, что означала благоразумная политика, Далхузи упомянул интересы жителей княжества и сообщил, что при британском правлении они будут «наслаждаться большим благосостоянием и счастьем», чем при маратхах [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 34]. Он подробно описал неэффективное руководство Рагхуджи и притеснения народа и заключил: «Вряд ли можно говорить о том, что маратхи в Нагпурских землях играют роль национального авторитета. Если поставить народ перед выбором между усыновлением кого угодно или аннексией в пользу британцев, то огромное большинство высказалось бы за возможность избежать правителя, каким был последний раджа, особенно в конце своего властвования» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 37]. А «единственными людьми, кто мог бы сожалеть о переменах, являются несколько фаворитов двора и их последователи» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 37].

Нагпур не был первым княжеством, к которому применялась доктрина выморочных владений, однако обоснованность такого шага была поставлена под сомнение некоторыми участниками и свидетелями событий. В частности, после появления меморандума член Совета при генерал-губернаторе генерал Ло, обращаясь к Далхузи, писал, что индийские князья давно «искренне привязаны» к британскому правительству, испытывают к нему «дружеские чувства» и «доверие». Эта вера «местных союзников в честность наших намерений» уже пошатнулась после оккупации некоторых территорий. Пересказывая свои беседы с раджпутской знатью, Ло отмечал: «Слов было немного, но то, что они говорили... и в какой манере, ясно показало мне, что они считали это применением силы против права, и выражали искреннюю надежду, перемешанную со страхом, что Провидение спасет раджпутские семьи от такого унижения и катастрофы». По мнению Ло, необходимо устранить у князей посеянные этими событиями «чувства неопределенности и недоверия, избежать их обострения и превращения в глубоко укоренившееся недовольство... и ненависть к британскому правлению». Как только весть о Нагпуре достигнет других мест, «там распространится страх и недовольство, на устранение которых понадобятся десятилетия». Поэтому он ратовал за сохранение престола [*Memorandum*, 1859, p. 8–11].

Еще одно мнение было высказано резидентом Мэнселом, который находился в непосредственном и постоянном контакте с нагпурским двором. В письме генерал-губернатору он выдвигал идею титулярного княжества в качестве среднего варианта между властью двора и прямым британским правлением: «В период резидентства господина Дженкинса семья настолько привыкла, что вся реальная власть осуществлялась этим чиновником, а в годы правления последнего раджи его правительство имело так мало независимости, что, если ей позволять наслаждаться внешними (титульными) привилегиями княжеского статуса и иметь сообразный этому доход, она будет считать, что утратила то, что и так ей

было неподвластно, и сохранила в полном объеме то, что обеспечивает ей комфортное существование» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 76–77].

Настаивая на своем варианте, Мэнсел высказывал иное по сравнению с генерал-губернаторским понимание счастья нагпурского народа и давал примечательную оценку эмоционального восприятия населением местной и иностранной систем администрирования: «Индийцы смотрят на монархическую и аристократическую форму жизни с чувством уважения. Сопровождающие ее церемонии и великолепие являются развлечением, как для молодых, так и для пожилых, ублажают их чувства и приносят в их жизнь счастье, огромная часть которого определяется существованием двора, его роскоши, трат, связей с народом... без этого жизнь местного общества станет унылой и тягостной. Британское правительство не может быть ничем иным, как умеренным деспотом, и чтобы нивелировать деспотизм иностранной власти, я не вижу более эффективного способа, чем даровать внешние княжеские атрибуты и статус титулярного княжества» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 87–88]. Усиливая аргументацию, Мэнсел упоминал, что раджа всегда был благожелателен по отношению к британскому правительству и с его княжеством нельзя обращаться так же, как с другими, уличенными в предательстве [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 90].

Это была полемика, в которой придерживавшиеся разных мнений британцы в поисках аргументов апеллировали к прогнозируемым чувствам абстрактного нагпурского народа и предполагаемым чувствам местной правящей элиты. Дилемму между всеобщим народным счастьем и дискомфортом узкого круга дворцовой знати генерал-губернатор решил в пользу первого: «Мне хорошо известно, что сохранение Нагпурского княжества во главе с маратхским правителем в качестве акта милосердия и благорасположения со стороны британского правительства было бы высоко оценено местными суверенами и знатью Индии; без сомнения есть чиновники высокого ранга, которые защищают такую политику именно на этом основании. Я понимаю эти настроения и уважаю их, но помня о возложенной на меня ответственности, я не могу позволить в момент принятия решения, чтобы чувства доброты и великодушия перевесили справедливую и благоразумную политику» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 43].

По сути, в одностороннем порядке британцы не столько меняли условия некогда заключенного договора, сколько договаривающуюся сторону. Теперь это был не нагпурский суверен, а весь нагпурский народ, которому обещались счастье и блага английского правления. Новый «договор», оформленный меморандумом генерал-губернатора, был скреплен подписью только британской стороны. В текстах, описывающих этот сюжет, постоянно фигурирует слово «справедливость», которое используется для оправдания действий или решений участников отношений. Так, генерал-губернатор в меморандуме пять раз употребил формулу об отсутствии у британцев «обязательств справедливости или равенства», фиксируя тем самым, что Ост-Индская компания не считала себя нарушителем договора, а производимые манипуляции с территорией и суверенитетом княжества были не изменением условий, а возвращением к изначальной конфигурации взаимоотношений.

В июне 1854 г. Далхузи постановил определить пенсии в размере 120 тыс. рупий в год для Бака-баи, 50 тыс. – для старшей вдовы Анапурны, по 25 тыс. – для других рани, 10 тыс. для вдовы Аппа-сахиба, 20 тыс. – для остальных. Всего 3 лакха рупий год или 25 тысяч в месяц. Кроме того, он распорядился оставить рани личные драгоценности, мебель и другую собственность, соответствующую их рангу, а остальное содержимое княжеской казны и имущество распродать [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 106–107]. Низведя Бхосле до уровня «знатных членов общества» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 91], Далхузи посчитал предложенную компенсацию справедливой и эквивалентной их новому положению.

НЕСЧАСТЬЕ СЕМЬИ

В июле на смену Мэнселу прибыл капитан Э.К. Эллиот. И тогда же, наконец, послышался голос двора, то есть, строго говоря, второй стороны договорных отношений. 17 июля Бака-баи от имени всех рани отправила генерал-губернатору письмо, где она, следуя установленному этикету и демонстрируя положенные эмоции – дружелюбие, преданность, покорность и послушание, как и ожидалось от проигравшей некогда в войне стороны, сигнализировала о готовности соблюдать конвенции и ждала того же от противоположной стороны: «Хвала Богу, что дружба и мирные отношения, существующие между британским правительством и Нагпурским государством... основываются на твердом как стена Александра основании, скрепленном договорами между упомянутыми двумя правительствами, что известно всему миру... Благодаря такой дружбе происходивший до сих пор обмен корреспонденцией не приносил ничего, кроме исполнения обоюдных желаний». Далее она упоминала, что Рагхуджи III «всегда был настроен идти навстречу доброй воле английских джентльменов и оставался непоколебимым в своей привязанности и преданности британскому правительству». Поэтому решение генерал-губернатора стало «поводом для огромного удивления и сожаления, потому как меня никогда не обвиняли в действиях, противоречащих духу истинной дружбы, а (британское. – С.С.) правительство в качестве друга вместо того, чтобы отнестись с состраданием ко мне в момент, когда мои чувства жестоко повержены (смертью сына), продемонстрировало доброту и необыкновенную щедрость такого рода, которые не могут исходить от мудрых и искренних друзей». Она писала, что «мелкая обида, если таковая и была, могла быть основанием для расследования и устранения, а не для выхода из договоров» и приводила примеры своей многолетней преданности, а в конце просила сохранить в ее государстве трон [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 1–2].

Это письмо показывает, что семья не осознала необратимости произошедшего. В августе 1854 г. представитель княжеского Совета в одном из посланий оценивал перспективу утраты суверенитета как «недостойную/унизительную» и подытоживал: «Никогда раньше не было случаев ни такого нарушения контракта, ни такого притеснения вдов» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 31]. Дальнейшее развитие событий, представленное в серии писем и меморандумов, демонстрирует, как в условиях кризиса и нарушенного баланса отношений натягивается, а затем и лопается оболочка эмоционального этикета, как на место символических эмоций, подкреплявших ранее царившее согласие, приходят другие, малоприспособленные для успешного социального контакта, но репрезентирующие дисгармонию, чувства.

Пока Бака-баи ожидала ответа, новый нагпурский уполномоченный² приступил к воплощению плана по ликвидации престола. 2 сентября на весь Нагпур «с помощью боя барабанов» было объявлено о предстоящем аукционе по распродаже дворцовых животных. 4 сентября аукцион начался под охраной подразделения пехоты и четырех пушек. 17 сентября Эллиот отправил во дворец вооруженный отряд для изъятия драгоценностей за исключением тех, что должны были остаться в личном пользовании рани. 10 октября он приступил к освобождению арсенала, встретив вооруженное сопротивление сторонников двора. 11 октября ему удалось вынести 13 ящиков оружия, 12 октября – еще 29. В самом конце октября из внутренних покоев дворца он вызволил 136 сумок серебра. Наконец, 12 декабря Эллиот завершил миссию, вынудив рани отдать 10 сумок золотых монет [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 6, 37, 40]. В начале 1855 г. имущество дворца было распродано.

² После аннексии должность резидента была заменена на уполномоченного.

В понимании рани эти действия были недопустимыми, так как они считали, что находятся в состоянии переговоров с британской стороной. Они трактовали их как наказание за неизвестный им проступок. 16 сентября 1854 г. их *вакил*³ направил генерал-губернатору письмо от имени всех нагпурских вдов. В нем он делал упор на упомянутый выше пункт договора о возможности передачи власти британскому правительству в Нагпуре в случае плохого управления княжеством раджой и отмечал, что до сих пор такой нужды не было, так как «правление полностью удовлетворяло правительство». Он писал о том, что тщетно махарани через обращения к резиденту пытались изменить ситуацию, «полную вопиющей несправедливости, притеснения и оскорбления по отношению к ним» и передавал их «жесткий протест» и просьбу вернуть их права, приостановить распродажу имущества и прекратить «несправедливое, жестокое, унижительное обращение уполномоченного с ними». «Жизнь семьи отравлена и испорчена жестоким обращением и оскорблениями, которым они вынуждены подчиняться» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, р. 4–5]. Вдобавок *вакил* приложил меморандум от 6 сентября, в котором Бака-баи жаловалась на оставленные без ответа ранее направленные Далхузи три петиции с просьбой об усыновлении на согласованных с ним условиях, на проведение аукциона под «давлением, принуждением» и под ружейными дулами и называла эти торги «самой большой обидой, бесчестьем, позором, неуважением по отношению к ее положению и репутации». Она настаивала на том, что до сих пор «подчинялась всем распоряжениям британских властей, ни разу не позволив себе проступков, пренебрежения или непослушания» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, р. 6]. Тексты, которые исходили от княжеского двора, в переводе на английский язык едва ли не в большей мере, чем британские, изобиловали отсылками к понятию «(не)справедливость», которое превратилось в одно из самых употребляемых в рассматриваемых документах.

События в Нагпуре освещаются в документах с точек зрения обеих сторон, каждая из которых по-своему истолковывала условия договоров. Но британские чиновники, принимавшие решение о судьбе княжества, были лишь представителями Ост-Индской компании, людьми, чье существование никак реально не затрагивалось производимыми изменениями. Для них справедливость была умозрительной этической категорией, а построенная на ее основе картина мира выводилась из формальной трактовки договоров, наличия многих бенефициаров помимо родственников и приближенных почившего суверена в одном, хотя и очень крупном, из индийских княжеств и рассудочных соображений относительно эффективности управления. В отличие от британцев для Бхосле исполнение достигнутых еще в 1818 г. соглашений означало демонстрацию личной преданности, послушания, исходивших от конкретных людей, а изменения после смерти раджи касались их непосредственно, условия и качество их каждодневной жизни менялись радикально. Поэтому решение британцев, при котором, по мнению княжеской семьи, ее личный вклад не получил равноценного возмещения, вызвал у ее представителей острое чувство несправедливости, на эмоционально-интуитивном уровне распознающее нарушение равновесия. По мнению анонимного автора появившегося в 1859 г. «Меморандума о положении дел в Нагпуре», носившего откровенно антибританский характер, несправедливость «была ясно осознана» и народом Нагпура, и другими княжествами Индии, которые взирали на события с «предельно ревнивым и тревожным интересом» [Memorandum, 1859, р. 19]. В переписке члены семьи наряду с чувством несправедливости упоминали типологически схожие переживания этического порядка – оскорбленные, задетые или попранные чувства чести, достоинства, уважения.

Вольно или невольно выстроенная княжеской стороной диспозиция была не на пользу их оппонентам, так как именно себя британцы подавали как нацию с высокими нрав-

³ *Вакил* – доверенное лицо, посланник.

ственными принципами, и это было то, чему они ставили себе задачей научить местное население и, в частности, местные элиты. Манифестация морального возмущения или страдания и одновременно честности в части исполнения конвенций могла использоваться семьей Бхосле в качестве стратегии воздействия на британцев, известной с античных времен как «обращение к эмоциям» [Brinton, 1988], в данном случае – к моральным чувствам совести и стыда. Не поддаваясь на давление, британцы, тем не менее, пытались сохранить благопристойность в отношениях. Несмотря на жалобы вдов на неподобающее обращение с ними уполномоченного Эллиота, сам он в докладе генерал-губернатору от 11 сентября 1854 г. сообщал, что преодолевает «постоянное сопротивление» дворца против сокращения расходов, «терпеливо» и «мирно» объясняя бесполезность таких действий. Он отчитывался, как «старался избегать и не допускать того, что могло быть воспринято как грубость с учетом затруднительного положения вдов и их пола» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 15]. В ответном письме Далхузи наставлял Эллиота продолжать реализовывать намеченный план, невзирая на «раздражение» и «недовольство» двора, и при любых обстоятельствах демонстрировать «любезность» и «терпимость». Латая прохудившуюся оболочку эмоционального этикета, британцы прибегали к эмоциональному «шантажу» и не забывали напомнить о новых условиях для демонстрации ими любезных чувств. Далхузи в продолжении письма Эллиоту писал: «Эта терпимость не может быть проявлена, если леди станут вмешиваться в общественные дела или интриговать с другими княжествами... Правительство Индии исполнено желания выказывать по отношению к семье чувства снисходительности, участия и уважения, однако (неподобающее поведение) может стать причиной проигнорировать притязания рани на милости и уважение и послужить серьезным поводом продемонстрировать им недовольство правительства» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 18].

Только 25 сентября 1854 г. вдовам был зачитан ответ Далхузи на их июльское письмо, где сообщилось, что решение по Нагпуру, согласованное Советом директоров, не подлежит ни пересмотру, ни обсуждению. В нем же Далхузи обратил внимание на то, что в запросе Бака-баи по-прежнему нет ни слова о наследнике [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 3].

1856–1858. ЗАТИШЬЕ

Годы с 1856 по 1858 были временем относительного затишья в отношениях между британцами и нагпурским двором, на которые, казалось, вновь было наброшено покрывало привычных этикетных эмоций. Однако в их основании лежал неразрешенный конфликт и несогласованные условия, поэтому манифестация снисхождения, уважения и участия с английской стороны и послушания и преданности с индийской на этом этапе, в ситуации кризиса, была скорее эмоциональной стратегией, используемой для достижения равновесия.

После крушения надежд на восстановление суверенитета основной задачей рани стало добиться от британских властей официального признания названного наследником еще в день смерти раджи его внучатого племянника Яшвантрао Ахиррао. Такое признание предполагало назначение ему пенсии, как и другим членам семьи, и обретение права наследования семейной собственности. Решать этот вопрос рани должны были через нового уполномоченного в Нагпуре Джорджа Плоудена. Из «Меморандума о положении дел в Нагпуре» следует, что именно Яшвантрао Ахиррао поджигал погребальный огонь усопшего раджи, что по обычаю делает наследник, и в таком качестве он жил во дворце. Для завершения процедуры усыновления оставалось организовать публичное шествие и церемонию нареkania его княжеским именем Бхосле. Судя по свидетельствам, приведенным в

«Меморандуме», рани ясно и неоднократно излагали еще Мэнселу свое желание провести процедуру после согласования с калькуттскими властями. Последние или оставались в неведении по поводу этой информации, или игнорировали ее. Однако на региональном уровне создавалась видимость переговорного процесса и положительной динамики в этом вопросе.

Британские чиновники проявляли к семье почтение: «Господин Плоуден поначалу обращался с рани с участием и добротой; он смягчал их нетерпеливость» обещаниями официально подать прошение генерал-губернатору⁴ о даровании Джаноджи Бхосле титула и пенсии [*Memorandum*, 1859, р. 24]. Пока вдовы ждали ответа из Калькутты, в ноябре 1855 г. умерла старшая из них, Анапура-баи, и, как пишет автор «Меморандума», сразу после этого «господин Плоуден принял от рани заявление о том, что Джаноджи Бхосле являлся их сыном и наследником» [*Memorandum*, 1859, р. 37]. Именно такое княжеское имя получил Яшвантрао Аххиррао. Неизвестно, когда именно была проведена церемония, но в ноябре 1856 г. Плоуден официально докладывал о ней как о свершившемся факте в Калькутту, хотя, судя по всему, специального запроса о статусе Джаноджи не сделал. Кроме того, «с учетом местных настроений и обычаев местных дворов рани получили разрешение на то, чтобы по случаю этой церемонии, а также во время визитов к уполномоченному, различных религиозных и других процессов их сын мог появляться при древних регалиях их семьи» [*Memorandum*, 1859, р. 37–38]. В том же месяце осуществлявший в тот момент связь между двором и уполномоченным капитан Эванс Белл обратился с пространном меморандумом к генерал-губернатору, в котором просил о «справедливом» решении вопроса, напоминал о заслугах Нагпурского княжества и лично Бака-баи перед британцами, предлагал наделить Джаноджи титулом раджи и бахадура, назначить ему пенсию в размере 25 тыс. рупий в год и обеспечить земельной собственностью [*1854–1860. Settlement of the Affairs*, 1920, р. 63–67]. Тогда же в ноябре прекратились выплаты семье доли умершей Анапуры, и их совокупный доход уменьшился на 50 тыс. рупий.

Обнадеженные обещаниями и зависимые от решений Ост-Индской компании, рани также вернулись к демонстрации покорности, терпеливости, дружбы. Особенный для этого случай представился в 1857 г., когда в Северной Индии вспыхнуло сипайское восстание. Автор «Меморандума» доказывал, что присоединение Нагпура к восставшим мгновенно вызвало бы цепную реакцию в Хайдарабаде, Пуне, Сатаре и других княжествах, и в результате весь Декан и Карнатик превратился бы в «кровавое поле боя». Ссылаясь на колоссальный авторитет и влияние Бака-баи среди индийских князей, он настаивал, что именно благодаря ей, остановившей своих приближенных от враждебных по отношению к англичанам действий, раскрывшей несколько заговоров и пригрозившей их участникам немилостью, восстание не сползло в южные регионы Индии. По его мнению, империя находилась в неоплатном долгу перед Бхосле за эти выдающиеся услуги [*Memorandum*, 1859, р. 22–23].

9 августа 1858 г. спустя полтора года после данного Плоуденом обещания донести просьбу о признании Джаноджи наследником в Калькутту Бака-баи написала ему письмо, начинавшееся с благодарности британскому правительству за щедрость и защиту. Затем она кратко пересказала, как с 1854 г. пыталась добиться «справедливости» в решении своего вопроса от правительства и исправно выполняя все его приказы. И, наконец, пользуясь преимуществами возраста, позволила себе сказать: «Это для меня источник печали и тревоги, мне уже восемьдесят лет, и я вряд ли проживу дольше ... Но я все же сильно надеюсь на Ваше благородство и великодушные правительства, которое узаконит статус моего сына. Засим, полагаясь на древнюю дружбу уважаемой Компании и волю Бога, остаюсь терпе-

⁴ Чарлз Каннинг – генерал-губернатор, вице-король Индии (1856–1861).

ливой и спокойной» [*Memorandum*, 1859, р. 27–28]. 14 августа Бака-баи еще раз просила Плоудена о справедливости в отношении ее сына, рассказывала, как поверив его обещаниям, «утешала свое разбитое сердце надеждой» и, наконец, напоминала о своей роли в восстании [*Memorandum*, 1859, р. 30]. 7 сентября она умерла.

1859. АГОНИЯ

К этому моменту восстание в основном было подавлено, Ост-Индская компания прекратила существование, а британская корона стала непрерываемым правителем и верховной властью во всей Индии. В письме от 16 сентября 1858 г. Плоуден докладывал в Калькутту о смерти Бака-баи, называл Джаноджи Бхосле приемным сыном трех оставшихся рани и среди прочего уведомлял, что с кончиной Бака-баи прекратилась выплата ее доли, что сократило доход семьи до 85 тысяч рупий в год (по 7 тысяч в месяц) [*1854–1860. Settlement of the Affairs*, 1920, р. 69]. Одновременно Плоуден отстранил сочувствующего семье Бхосле Эванса Белла от контактов с двором, поставив на его место капитана Шекспира. Эта замена была болезненно воспринята оставшимися вдовами, так как поведение последнего «заставило их считать, что с прежними проявлениями уважения и любезности было покончено» [*Memorandum*, 1859, р. 30].

В письмах на имя Плоудена 12 и 13 февраля 1859 г. вдовы жаловались на то, что капитан Шекспир в ответ на просьбу посетить их «вернул им их записку, лишь слегка надорванной в верхней части», а сам Плоуден вовсе не ответил на их запрос и не удостоил визитом. Кроме того, они сообщали, что еще раньше Шекспир «отправил послание, написанное рукой низкого писца-каятхи, с информацией о семи тысячах рупий в месяц, выделяемых для их содержания, и этот писец зачитал его в совершенно недопустимой манере и вдобавок осмелился задавать вопросы» [*Memorandum*, 1859, р. 30–31]. Будто поставив перед уполномоченным воображаемые весы, они демонстрировали неравноценность обмена, на свою чашу они складывали традиционные заслуги: «послушание», «добрые намерения», «преданность», «дружбу», подкрепленные соответствующим эмоциональным поведением, а также реальными действиями, в частности, помощью Бака-баи во время восстания. А на другой находились полученные от британцев в качестве вознаграждения «страдания» и «тревоги». В письме были представлены материальные эквиваленты этих переживаний: «впереди нас ждет только голодная смерть, мы не можем купить даже масло для ламп, дворец погрузился во тьму, слуги работают голодными», «мы с трудом достаем еду и одежду». А дальше «несчастные вдовы», как они сами себя называли, опять задействовали регистр моральных чувств, поделившись, что восприняли резко изменившееся отношение и унижительные жесты по отношению к ним как «атаку на их честь и достоинство», но на этот раз уже открыто транслировали чувство опасности: «мы настаиваем, чтобы без просьб с нашей стороны вы не вторгались в дела зенаны⁵, так как наша честь, а также честь и память последнего раджи находятся под угрозой... посягательства» [*Memorandum*, 1859, р. 30–31].

Не ограничившись перечислением чувств, они тоже решили перейти к тактике жестов, передав капитану Эвансу Беллу устное сообщение, в котором извещали о намерении «с целью довести ситуацию до крайней точки разбить в садах уполномоченного и самого Белла шатры, то есть, коротко говоря, прибегнуть к местному обычаю “дхарна”⁶ – сидению у ворот до тех пор, пока не будет восстановлена справедливость» [*Memorandum*, 1859, р. 32]. Автор «Меморандума» прокомментировал этот демарш так: «Любому, кто

⁵ Зенана – женская половина дворца или дома.

⁶ Дхарна (dharnā) – способ ненасильственного протеста путем сидения у двери «ответчика» с целью удовлетворения им претензий, уплаты долга, восстановления справедливости.

знаком с восточными обычаями нет необходимости объяснять серьезность такой угрозы, хотя для европейского уха она, возможно, прозвучит достаточно безобидно. Однако трудно представить больший скандал и позор для британского правительства» [*Memorandum*, 1859]. Такая демонстрация вдовьего негодования заставила Белла броситься во дворец с умиротворяющими словами и новыми обещаниями, а самого Плоудена, напротив, изъясняться с Белом и представителями семьи в «жесткой и угрожающей манере» [*Memorandum*, 1859, p. 32].

Наконец, уполномоченный решил внести окончательную ясность в ситуацию. 5 мая Нагпур вновь огласил бой барабанов. На этот раз английские власти оповещали нагпурский народ о том, что «если кто-то считает себя наследником частной собственности Анапурна-баи и Бака-баи, он должен представить соответствующую петицию в определенный срок, по истечении которого никакие запросы рассматриваться не будут». Одновременно Плоуден издал указ, запрещавший Джаноджи Бхосле появляться с символами княжеской власти [*Memorandum*, 1859, p. 38, 41]. Это было однозначно воспринято двором как отказ властей признавать Джаноджи Бхосле приемным сыном, что вызвало у рани чувства, которые они описали как «изумление, нагроможденное на изумление» [*Memorandum*, 1859, p. 41], особенно после того, как Плоуден неоднократно сам принимал его при всех царских регалиях.

Автор «Меморандума» писал: «Распространенное мнение среди местных жителей состоит в том, что Плоуден... хочет получить от старшей рани расписку в том, что они все удовлетворены, не имеют запросов и пожеланий что-либо изменить в условиях жизни, и тогда уполномоченный сможет заявить, что “все было улажено”» [*Memorandum*, 1859, p. 38]. В ответном письме вдовы опять раскладывали свои эмоции на разные стороны весов, где содержимое одной чаши оставалось мертвенно неизменным (повторяющийся из раза в раз уже знакомый перечень положенных чувств – послушание, повиновение, дружба с упоминанием восстания 1857 г.), а в другой на это раз появились «публичное унижение», «удивление», «печаль», «обида, сознательно нанесенная уполномоченным» из-за его «небрежения» и «забывчивости» [*Memorandum*, 1859, p. 40–41]. Дальнейшего развития события не получили, а Нагпурское княжество прекратило свое существование.

Представленный сюжет показывает, как этикетные эмоции, не только делавшие отношения княжеского двора с британскими властями комфортными, но и отражавшие согласованные конвенции, лежавшие в их основаниях, в момент кризиса, начинали менять функциональную нагрузку. Они утратили символически-репрезентационное значение и стали использоваться в качестве стратегических маневров, во время которых каждая из сторон задействовала свой эмоциональный репертуар или как реанимационные средства для возвращения к исходному состоянию (применительно к княжеской семье), или поддерживающую терапию, отдаляющую агонию (в случае с британскими чиновниками). В конечном итоге лишённые смысла и нутряной поддержки этикетные эмоции превратились в застывшую декорацию, на фоне которой «жили» другие чувства, вспыхнувшие как реакции на нарушенное равновесие и потому густо замешанные на понимании и ощущении (не)справедливости. Это был пример неэффективных эмоциональных стратегий и реакций в условиях, продиктованных соображениями политической целесообразности. Прикрывая аннексии территорий заботой о всеобщем счастье населявших их народов, колониальные власти упустили из виду необходимость думать о счастье отдельных страт и групп. Решение по Нагпурскому княжеству было необратимыми, но Сипайское восстание 1857–1858 гг., поставившее под угрозу само существование Британского Раджа, заставило колониаль-

ные власти отказаться от политики выморочных владений и внимательнее отнестись к настроениям местных князей, многие из которых выступили на стороне восставших. В дальнейшем налаживание связей с местными традиционными элитами, выстраивание с ними эмоционально доверительных отношений стало важным направлением деятельности колониальной администрации, в которое вкладывалось немало средств и усилий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

1853–1854. *The Escheat of the Nagpore State, the Arrangements for the Administration of the New Province and the Settlement of the Affairs of the Bhonsla Family*. Nagpur, 1920.

1854–1860. *Settlement of the Affairs of the Ranees of Nagpore and the Course of Events after the Escheat of the State*. Nagpur, 1920.

Aitchison C.U. (compiled by). *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Counties*. Vol. I. Calcutta: Superintendent Government Printing, 1909.

Brinton A. Pathos and the “Appeal to Emotion”: An Aristotelian Analysis. *History of Philosophy Quarterly*. 1988. Vol. 5, no. 3. Pp. 207–219.

Memorandum Relating to Nagpore. London: Spottiswoode and Co., 1859.

Nussbaum M.C. *Political Emotions: Why Love Matters for Justice*. Cambridge, Massachusetts: An Imprint of Harvard University Press, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИДОРОВА Светлана Евгеньевна —
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института востоковедения
РАН, Москва, Россия.

Svetlana E. SIDOROVA, PhD (History),
Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.